

глубокое уважение и горячую симпатию к этим людям и знал, что разделенная с ними трапеза наряду с успехом предстоящих публичных чтений будет значить для Фроста больше, чем просмотр любого балета или посещение дворца, и, что важнее всего, оставит у него в памяти правдивый образ той России, о которой он раньше не имел представления. Фрост практически ничего не знал о русской поэзии: переводов ее на английский было мало, удачных среди них и того меньше. Перечисляемые русские фамилии звучали для него слишком замысловато, и он не мог их запомнить. В основном ему приходилось судить о людях по тому, как они выглядят и что говорят. И это делало предстоящий визит еще более важным.

Вместе с распорядительницами и нашим эскортом мы приехали к Алексеевым поздним утром. День был солнечный и прохладный. Алексеев взял с собой Фроста на прогулку по саду и с гордостью показал ему на стоящую среди других деревьев маленькую североамериканскую голубую ель, которую он посадил напротив застекленной террасы. Мы вошли в дом и расположились в кабинете Алексеева; корреспондентка ТАСС присела на диван, положив на колени открытую записную книжку. Фрост и Алексеев дружелюбно беседовали о садоводстве и Америке, о еде и книгах. В обоих чувствовалось некоторое напряжение: по-видимому, они были смущены тем, что их светская болтовня записывается для передачи на весь мир, словно некая истина в последней инстанции. Разговор все время притормаживал у невидимых ограничительных знаков, как будто воздух был заткан бесконечной сетью дорог, и нельзя было сказать наверняка, по какой из них ты движешься.

Подходило время обеда. Явилась Ахматова в темном платье и бледно-сиреневой шали, наброшенной на плечи, величественная с благородной сединой и глубоким взором. Они с Фростом вежливо поздоровались. За обедом Алексеев предложил тост за Фроста, а потом за Ахматову и Фроста,